

УДК [323.1(=161.1)+329.11+329.14]«18»

ГОМОНОВЦЫ И М.О. КОЯЛОВИЧ. PRO И CONTRA

канд. филос. наук, доц. В.К. ИГНАТОВ

(Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск)

Исследуются взгляды представителей консервативного и социалистического течений интеллектуальной белорусской мысли XIX в. – М.О. Кояловича и авторов журнала «Гомон». Выявлены основные сходства и различия воззрений этих мыслителей на проблему развития национального самосознания. Раскрыты важнейшие положения программ возрождения белорусского народа, выдвинутых автором концепции Западной России и создателями революционной группы. Рассмотрены особенности понимания М.О. Кояловичем и белорусскими народниками роли национальной интеллигенции, перспектив самостоятельного политического существования родного края, путей сохранения самобытности белорусской культуры. Установлена взаимосвязь духовных основ мировоззрения М.О. Кояловича с главными постулатами российской консервативной мысли того времени. Проанализированы направления видоизменения марксистской доктрины в творчестве белорусских социалистов-революционеров, отмечены их попытки заложить основы национального облика социалистической идеи.

Ключевые слова: консерватизм, М. О. Коялович, учение социализма, гомоновцы, народничество, национальная интеллигенция, белорусская идентичность.

Введение. Знаменательной вехой в истории белорусской интеллигенции стало издание в Петербурге в начале 1884 г. нелегального журнала «Гомон». Провозгласив себя выразителями интересов белорусского народа, организаторы печатного органа выдвинули идею образования самостоятельной белорусской группы организации «Народная воля» как основы для создания после падения царского режима федеративного государства [1, с. 60]. В конце второго номера журнала его издатели поместили статью, по их собственному признанию, весьма близкую им по духу [2, с. 103]. Статья давала читателю представление об идейном многоголосии общественной мысли того времени – от проповеди терроризма, бунтарства, заговорщической деятельности, направленной на искусственное создание революционной ситуации, до взглядов консервативного монархизма, крайне отрицательно расценивавшего теорию социального переворота.

Но будет ли справедливым сказать, что левых радикалов и имперских традиционалистов разделяла непроходимая духовная пропасть?

Для разрешения этого вопроса совершим попытку сравнить взгляды на проблему развития национального самосознания белорусских народников и М.О. Кояловича.

Основная часть. В каком образе предстал белорусский народ в трудах создателя концепции Западной России и на страницах журнала «Гомон»?

Мотив тяжелой исторической судьбы народа Белоруссии – постоянный спутник размышлений М.О. Кояловича. В своих сочинениях он указывал на обделенность белорусов естественными богатствами, на разобщенность народа вследствие крайней редкости совместного проживания больших групп населения [3, с. 33–34], на отсутствие национальной элиты: «...в Западной России нет родного для народа русского или литовского дворянства, нет даже почти вовсе народного городского сословия... там единственные представители действительных интересов народа, единственные его руководители и защитники – это православное русское духовенство, русские православные учителя и русские православные служащие. Все это – единственная интеллигенция края...» [4, с. 677].

Но белорусский народ знал и иные времена, когда он определял перспективы развития не только Великого Княжества Литовского, но и Речи Посполитой [5, с. 550]. Это был период процветания православной церкви, духовного возрастания народа, активного формирования братского движения [5, с. 550]. Переломной эпохой стал XVII в., когда местная элита, поддавшись обаянию и напору польской цивилизации, стала стремительно утрачивать национальный облик, все более отдаляясь от своего народа [5, с. 550].

Однако белорусский народ не стал покорным рабом судьбы и спустя несколько столетий все громче заявлял о своем желании обрести новый социальный и культурный статус [6, с. 12]. «Запертый, сдавленный народ не может не желать себе простора. ...Естественно при этом рождается вопрос: не погибнет ли этот народ, вынесет ли он свои трудности? На это можно ответить: пять веков его ломали, давили, и, однако, он сохранился и теперь оживает» [6, с. 38]. Но гнет исторических трагедий минувшего продолжал довлеть над пробуждающимся к новой жизни народом, часто становясь источником его неверия и бездеятельности [7, с. 373].

Главной основой будущего благоденствия Белоруссии М.О. Коялович считал единство трех ветвей восточного славянства: «Если отправиться в западную Россию из русского средоточия, то придется неизбежно и самым наглядным образом убедиться, что западная Россия, несомненно, русская страна и связана с восточной Россией неразрывными узами, именно придется чаще всего самым нечувствительным образом переходить от великорусов к белорусам или малороссам; часто даже нелегко будет заметить, что уже кончилось великорусское население и началось белорусское или малорусское, но во всяком случае придется признать, что все это – один русский народ, от дальнего востока внутри России до отдаленного запада в пределах Польши и Австрии» [3, с. 9].

Обращаясь к образу белорусского народа, автор статьи в «Гомоне» высказал свое несогласие с представлениями о его крайней апатичности и подавленности, порождающими равнодушие к идеям национальной свободы: «Но, может быть, народ настолько забит и инертен, что не сумеет понять и отстаивать своих интересов и не пожелает воспользоваться в будущем автономией своей белорусской федерации? Хотя действительно белорусский народ носит еще печать прошлого гнета, но обыкновенно все эти рассуждения о забитости и вырожденности слишком преувеличены и не соответствуют фактам прошлой и нынешней жизни народа» [2, с. 113]. Горькая историческая судьба, несомненно, наложила глубокий отпечаток на духовный облик белоруса, но отнюдь не лишила его природной живучести, культурного своеобразия и желания отстаивать свои права: «Белорусы, как и малорусы, не раз поднимались в защиту своей религии и против гнета шляхетства в старину, хотя, благодаря разрозненности и затруднительности сообщения страны, не в таких громадных движениях и не так энергично, как в Малороссии. Они при Александре I пытались посредством массового движения Витебской губ[ернии] и других губерний освободиться от крепостной зависимости, они продолжали его при Николае I... при отмене крепостной зависимости они также требовали большего надела и более широких прав (бунты и экзекуции). Наконец, в настоящее время нельзя не заметить ту энергическую аграрную борьбу, которую белорусы ведут с помещиками. ...Можно ли говорить после этого, что народ белорусский не имеет достаточной энергии для борьбы за свои интересы? Конечно, поверхностному наблюдателю покажется этот народ грубым, а иногда крайне тупым, если он станет заключать о белорусах из разговора с крестьянами. Вынеся на своих плечах столько бед со стороны бар, чиновников и хитрых евреев, народ белорусский сделался необыкновенно скрытным, всегда подозревающим в незнакомце недоброе, и до крайности осторожным. Никто так не старается скрывать свои мысли, как белорус, и самой наилучшей тактикой считает тактику выжидательную, доведенная до крайности, она всегда может быть принята за инертность и забитость. ...На вопрос он отвечает или неопределенно – глупо, или вопросом же; и чем умнее крестьянин, тем глупее он может показаться собеседнику» [2, с. 113–114].

Как представители полярных интеллектуальных движений, белорусские социалисты и М.О. Коялович, не могли не иметь разные взгляды по вопросу независимости Белоруссии. Автор статьи в «Гомоне» выражал глубокую уверенность в том, что белорусская нация станет полноправным членом союза народов в будущем государстве: «Нынешний исторический момент является наиболее удобным для пробуждения Белоруссии, которая при дружной работе и борьбе нашей интеллигенции переродится для новой самостоятельной жизни и займет почетное место среди других федераций России на началах *свободного соглашения с ними*» [2, с. 120–121]. М.О. Коялович, напротив, полагал, что «политическая самостоятельность западной России невозможна и еще более невозможна, если можно так выразиться, при польской цивилизации» [3, с. 21].

Социалисты «Гомона» не ставили своей целью достижение государственного суверенитета Белоруссии, ограничиваясь требованием ее политической самостоятельности в рамках федерации: «...мы... положим первый камень для фундамента федеративной самостоятельности Белоруссии» [2, с. 88]. М.О. Коялович рассматривал Белоруссию как часть единого государства, ставшего воплощением концепции большого русского народа: «...будущее... объединение и Малороссии, и Белоруссии, и Великой России – неоспоримо станут и этим путем идти вперед и вперед. Тогда не будет ни по управлению, ни по общественной деятельности того пагубного разъединения принципов и теорий между Белоруссией и Малороссией, какое существует теперь и которое уже столько раз губило общее западнорусское и общерусское народное дело» [8, с. 378].

Но звучание голосов в умственном состязании идейных соперников не всегда являло собой дисгармонию. Оба мыслителя были близки в своем отношении к проблеме сепаратизма, исповедуемого белорусскими и украинскими интеллектуалами, вдохновленными теорией политической самостоятельности, основанной на идее возрождения национальных исторических идеалов.

Противопоставляя этим взглядам учение социализма, автор статьи в журнале «Гомон» писал: «При такой постановке белорусского вопроса белорусов нельзя было бы назвать сепаратистами, да и сами условия борьбы настолько сближают белорусов с соседями и настолько препятствуют какой бы то ни было замкнутости, что всякие сепаратические стремления становятся решительно немислимы» [2, с. 120].

Суждения М.О. Кояловича, чуждые социалистическим пристрастиям, демонстрировали не менее решительное, нежели у белорусских народников, неприятие сепаратизма: «...Белоруссия... так бедна, что не может допускать праздных теорий, отвлеченных мечтаний, да и белорусское племя так близко к великорусскому, что никакой сепаратизм не может в нем иметь силы» [3, с. 23].

Верные совершенно противоположным духовным знаменам, белорусские социалисты и М.О. Коялович нередко проявляли полное единодушие в выборе тех социальных групп, против кого они направляли острие своей критики идей сепаратизма.

«Всем известно, – писал автор журнальной публикации, – в чем заключается хохломанство малороссийской интеллигенции и традиции поляков, которые никак не могут отрешиться от предрассудков, мешающих как тем, так и другим стать на высоту современных потребностей общечеловеческих идеалов. В то время, когда интеллигенция Малороссии живет воспоминанием вольного казачества и запорожского разгула, во имя которых поет песни, танцует трепака и одевается по-хохлацки, поляки, во имя воспоминаний Rzeczy Pospolitej, пародируют своих исторических предков по-своему; и те, и другие думают, что совершают дело необыкновенной важности, не замечая, что все это потеряло всякий смысл для будущего и что новое время выработало новые общественные идеалы, которые одни лишь имеют практическое значение и соответствуют потребностям страны» [2, с. 112–113].

«...Малороссийские деятели... как по всему видно (конечно, не все), – отмечал М.О. Коялович в одной из своих статей, – великие эгоисты: собственно Малороссия не так страдает от полонизма и иезуитства, да и народ там не дает себя в обиду. Им можно не заботиться о всей Западной России, и действительно, они как сели на свою малороссийскую почву, так и не двигаются к общему благу и общим интересам народа всей Западной России. Точно забыли, что и Литва, и Белоруссия, и Малороссия всею своею историей неразрывно связаны в одно, и что прежде всякой *широкой любви* стоят и ждут разрешения общие *насуиные* интересы – как-то защита от полонизма, иезуитства, здоровое развитие общественных сил страны, оживление духовенства и веры, первейшее, незатейливое, для насуиных потребностей, образование народа, проникнутое, конечно, любовью к родному элементу, но без всяких утопий, забегающих вперед истории и потому ненужных народу или даже насилующих его!» [9, с. 523]. «Уничтожьте в польском сознании глубоко вкоренившуюся мысль, – утверждал М.О. Коялович в другой своей работе, – что Западная Россия может когда-либо войти в состав воображаемого польского королевства, и никакая революционная попытка не в состоянии будет сделать что-либо серьезное, поляки сразу изменят свои взгляды на Россию и увидят себе врагов в каких-либо других странах, а не в России и не в русских. Следовательно, задача Западной России – прежде всего убедить поляков, что она никогда не может быть Польшей. Этой цели она ничем лучше не может достигнуть, как тем, если сама будет развиваться постоянно и неуклонно на русских, православных началах» [10, с. 648].

Отвергая сепаратизм как ложный путь исторического развития белорусского народа, теоретики «Гомона» и М.О. Коялович стремились выработать основы мировоззрения для формирования новой национальной интеллигенции. Один из главных вопросов, стоявших перед ними, заключался в том, способен ли образованный слой белорусского общества стать благодатной почвой для взращивания грядущей элиты белорусского народа.

Послушаем сначала голос белорусского социалиста: «Переходя к белорусской интеллигенции, мы не станем скрывать, что она пока находится в потенции как представительница народных интересов и что придется много работать для ее возникновения, тем более что и нынешняя беспочвенная интеллигенция слишком апатична, неповоротлива и заражена тем бесцельным резонерством, какое замечается у всех беспочвенников, живущих более в области теоретических умствований, чем в практике действительной жизни» [2, с. 115–116].

Еще более драматично звучала мысль М.О. Кояловича: «Западная Россия тем и несчастна, что бедна своими силами, которым даже при возбуждении приходится немало бороться с собственной неподвижностью, апатией, робостью и недоверчивостью» [7, с. 373].

Кто же в глазах политических оппонентов был достоин занять место народного вождя?

Вновь обратимся к статье в журнале «Гомон»: «Мы очень мало возлагаем надежд на высшие слои “панства” и бюрократии, – воспитанные вдали от народа и находясь под влиянием чуждой культуры, одни (“панство”) будут тянуть, вследствие бессознательных, органических симпатий, к Польше, другие – к Великодержавии. Не получая толчков самой жизни, они не постараются проверить своих общественных симпатий критической мыслью, вследствие чего могут отнести к нам, за исключением кое-каких единиц, отрицательно. Больше всего можно полагаться на ту часть интеллигенции, к[ото]рая выйдет из слоев близко стоящих к народу, потому наиболее чутких к его потребностям и нуждам» [2, с. 116].

В дни Январского восстания (1863–64) М.О. Коялович писал, что не только высшая польская знать, но и ставшая частью польской цивилизации бывшая местная социальная верхушка не имела никаких шансов обрести статус национального лидера белорусов: «...в Западной России... поднимает оружие горсть людей, которые оторвали себя от земли самим названием себя *поляками*... и которые и делами

своего восстания, и самую мыслью о восстановлении здесь польского государства живо напоминают и обещают ей старое, ужасное рабство ее, за которое наказана государственною гибелью та самая Польша, в задушающие объятия которой они тянут и теперь Западную Россию! Они – эти поднимающие оружие в Западной России – не могут нигде, за исключением ничтожного прибугского клочка, заселенного мазурами, и еще более ничтожных клочков, заселенных шляхтою, сказать здесь со смыслом: *братья поляки, встанем!* Малоросс – не поляк, сознает это очень ясно... Белорус во всех своих оттенках – тоже не поляк, чувствует это сильно и без ясного сознания... Они не могут здесь стать даже на высшую точку народных воззрений и сказать: *“братья славяне”*, потому что тут же рядом стоит жмудин, который потому, разве, не сострил бы жестоко над этим восстанием, что ничего бы в нем не понял, ни одного польского слова.

Словом, между этими поднимающими оружие и народом страны, в которой они его поднимают, или вовсе нет никакого народного братства, или оно так заглушено, что равносильно несуществованию» [9, с. 511–512].

Среди претендентов на звание народного предводителя у М.О. Кояловича выступало православное белое духовенство, в течение нескольких веков стоявшее на страже национального культурного наследия: «Народ теперь, как только повеяло на него свободой, так и стал показывать, что он оценил это историческое служение западнорусского воссоединенного духовенства. Он быстро стал сблизиться с ним, искать его помощи в своих недоумениях по крестьянскому делу и со своей стороны оказывать ему свое участие в его бедном положении» [11, с. 411]. Ряды священников должны были пополнить и самые одаренные представители крестьянства и шляхты, готовые преодолевать соблазны польской цивилизации, опираясь на нравственные устои православного мира [12, с. 596–597].

Однако, с надеждой глядя в лик пребывающей в колыбели новой белорусской интеллигенции, М.О. Коялович признавал притягательность западных ценностей, способных заставить померкнуть идеалы русского мира в глазах белорусской молодежи: «Жизнь западнорусская очень тяжела, и сплошь да рядом случалось до последнего времени, что из десяти великолепных надежд – прекрасных даровитых личностей, обещавших богатую деятельность для блага Западной России, девять погибало от разъедающей латино-польской среды и совершенного отсутствия поддерживающей руки» [13, с. 433]. М.О. Коялович был уверен, что без поддержки Восточной России белорусский народ не сможет оградить свои юные умы от влияния Польши и местного еврейства: «Создать ему из себя свой верхний и средний класс людей, своих руководителей очень трудно, да едва ли и возможно. Ему необходима помощь со стороны того же восточнорусского народа, к которому он стремился в течение стольких веков. Из Великой России должна прийти Западной России подмога к образованию высшего образованного класса и среднего. Теперь настало время самой неутомимой и самой решительной общественной борьбы в Западной России русских и литовских начал жизни с польскими и еврейскими» [6, с. 220].

Идея сближения еврейской культуры и русской цивилизации у М.О. Кояловича неизменно вызвала глубокий скептицизм: «Вопрос об отделении в иудействе веры от вещей, чисто политических, крайне вредных для христианских обществ, великий вопрос, и пока он не разрешен, мудрено создать такое знамя, в котором бы иудейская вера соединена была с действительным, а не обманчивым русским началом, и тем мудренее это создать, что иудеи и мы не смешиваемся этнографически, кровным образом, и такого смешения невозможно ожидать и по нашему и по их закону веры» [14, с. 738].

С критикой местного еврейства выступал и автор журнальной публикации, но главным фактором разделения народов у него выступали не религиозно-культурные различия, как у М.О. Кояловича, а классовые противоречия: «В Белоруссии кулачеством занимаются евреи, которых так много, что они к этому ремеслу не допускают не только крестьян, но даже свою братию – евреев» [2, с. 115].

Высказывая глубокие сомнения в возможности пересоздания белорусских поляков в *«истинно преданных русских»* [15, с. 614], М.О. Коялович с неменьшим осуждением писал о русской бюрократии, проникнутой идеями казенного обрусения: «...некоторые маленькие власти в Западной России приказывают народу переменять костюм, прическу по великорусским образцам, гнушаются слышать малороссийскую или белорусскую речь и требуют, чтобы волостные чины и ученики сельских училищ *непрерменно и всегда* говорили *книжным* русским языком» [10, с. 649].

В своем порицании насильственного, чиновничьего, формального русификаторства мысль М.О. Кояловича начинала звучать едва ли не в унисон с размышлениями белорусских народников, описывающих действия представителей центральных ведомств в Белоруссии.

«Всякий, кто хоть сколько-нибудь наблюдал жизнь нашего края, – утверждали гомоновцы, – не мог не заметить, что результаты русификации получались у нас часто отрицательные. Направленная против полонизма, она не только не уменьшила его силы, но, напротив, дала больший толчок его развитию; католичество в этом отношении обнаружило необыкновенную живучесть и упорность. Русское землевладение здесь также потерпело фиаско, о чем свидетельствуют статистические данные; школьное дело как ближайшее оружие к обрусению края у нас также обретается не в авангарде. Вообще все то, к

чем

прикасались руки обрусителей, превращалось в мертвое дело, и так[им] обр[азом] все опыты русификации Белоруссии на каждом шагу терпели неудачу, не находя для себя подходящей почвы» [2, с. 91].

«У нас так много заняты обрусением этой страны, – писал М.О. Коялович, – но, к сожалению, обрусение понимается чаще всего самым неправильным и пагубным образом. Обрусение понимается не так, что нужно подкреплять, оживлять и пополнять тамошних русских людей, а так, что их нужно заменять новыми русскими людьми. От этого везде происходит... великая смута и путаница...» [16, с. 13].

Но вот взгляды на то, как можно избежать губительных для Белоруссии последствий имперской унификации, у М.О. Кояловича и белорусских социалистов уже были не столь близки, как в оценке ими административного произвола проводников идей обрусения.

По мнению М.О. Кояловича, спасти «русское дело» в Западном крае, наладить взаимопонимание между белорусским народом и приезжими чиновниками возможно было лишь при широком участии общественности Великой России: «...желательно, чтобы вместо польской середины между западнорусскою народностью и русскою государственностью явилась другая середина, более естественная и сродная и западнорусской народности и русской государственности, чтобы этой *срединой* явилась *великорусская общественная сила*» [17, с. 566].

Иную национальную перспективу рисовали белорусские революционеры: «Естественно, что вся культурная борьба, происходящая в нашем крае, ближайшим образом касается верхних слоев края, т.е. интеллигенции; народная же масса, замкнувшись сама в себе, остается почти равнодушной и глухой к тем экспериментам, которые над нею желают совершить обе стороны, ведущие между собою из-за преобладания вековую вражду; народ не воспринимает всего того, что ему навязывают, а ревниво оберегает от чужих влияний основные черты своего быта, ожидая того момента, когда откроется возможность для широкого развития всех начал его жизни; но только такое время может наступить, когда прекратится подавляющая борьба верхних слоев и когда откроется возможность широкого развития народной жизни» [2, с. 91–92].

В чем были едины и М.О. Коялович, и гомоновцы, так это в стремлении сохранить историческую и культурную особость Белоруссии.

Описывая свою родину, автор статьи в «Гомоне» писал: «Ее климатические и этнографические условия... резко отличают страну от ее соседей – Великороссии, Польши и Малороссии. Народ, живущий здесь, благодаря непроходимости болот, песков и реденющих ныне лесов, сохранил до сих пор чистый тип славянского племени кривичей и дреговичей... Разделяя в продолжении многих веков одну и ту же горькую участь от своих благодетелей – Польши и Великороссии, – народ Белоруссии чувствует свою органическую связь и отличает свои интересы от интересов польских и великороссийских... Что касается до религиозной розни, то она здесь настолько слаба, что о ней нечего говорить...

В экономическом отношении Белоруссия также представляет много оригинального, чего мы не можем встретить ни в Великороссии, ни в Польше, ни даже в Малороссии... Ко всему этому нужно прибавить, что Белоруссия имеет свой особенный язык, который, по мнению опытных филологов, представляет много интересного, как остатки наиболее сохранившегося чистого славянского наречия... Белорусский язык со временем может получить такое же право гражданства, как и язык малороссийский» [2, с. 110–111].

Часто возникающему на страницах сочинений М.О. Кояловича призыву к русскому обществу об оказании им всесторонней помощи народу Западного края почти всегда сопутствовала мысль о необходимости оберегать его самобытность: «...мне невольно вспоминается передаваемое Нестором призывание в Россию рода Руссов. Только я позволю себе отнести эти слова к Великой России от лица Западной и изменить их так: нет у нас людей, нет и наряду, а ваша земля велика, и обильна, и устроена: придете княжители и володети нами, но не по-пански, как поляки, а по-братски, как следует русским» [18, с. 582].

Важнейшим направлением деятельности общественности Восточной России, как нельзя лучше подходящим для достижения гармоничного единства трех народов, М.О. Коялович считал приобретение ею глубоких знаний об истории, культурных традициях и жизненном укладе Западного края [3, с. 20–21]. Когда российское общество преисполнится ясным осознанием того, что «...этот край достоин самого глубокого изучения и русской науки, и русских людей...» [5, с. 554], тогда оно сможет проникнуться чувством понимания его своеобразия, что позволит устранить препятствия для формирования целостной русской цивилизации. Духовные основы древнерусского единства М. О. Коялович призывал искать прежде всего в стародавних литературных памятниках, созданных на территории края [3, с. 24]. «Таким путем лучше всего могут быть разработаны и общие, коренные русские начала, которые во веки вечные будут соединять Западную и Восточную Россию, и те западнорусские особенности, которые могут и должны себе жить свободно, сколько и как судит им жить история» [6, с. 19–20].

Изучение древних книг позволило бы русскому читателю открыть для себя самобытный язык местного населения, имеющий славное прошлое и лишь в силу трагических событий истории утратив-

ший свое значение: «До окончательного соединения с Польшею в Литве господствующим языком – официальным и в большей части народа – был язык славяно-русский... После же соединения Литвы с Польшею язык этот был насильственно загублен, остановлен в своем нормальном развитии и остался только языком простого народа» [19, с. 258–259]. Воздавая должное русскому языку, М.О. Коялович, как и автор статьи в «Гомоне», не отказывал в праве на жизнь и языку белорусов: «Пусть себе идет и развивается грамотность и литовская, и белорусская, и малороссийская, но пусть ни одна из них не забегает, как выскочка, вперед насущных потребностей, вперед сознания народа и вперед русской грамотности, которой им не заменить никаким образом. Пусть идут себе вместе без вражды и зависти и оставят суд над собою и успех свой – будущему» [9, с. 523].

Мы видели, что мысль М.О. Кояловича и белорусских народников отнюдь не всегда являла собой картину непримиримого идейного противоборства. Но было в их взглядах и то, что абсолютно разделяло этих мыслителей, а именно – их отношение к идеям социализма и революции.

Для М.О. Кояловича учение социализма – порождение злого гения Запада, духовный плод образа мыслей католицизма, проникнутого не заботой о христианском воспитании, а жадной обретения земных благ: «Когда вероисповедание смешивает неразрывно, догматически небесное и земное, как это есть в латинстве, то в обществах, им воспитываемых, естественно развивается стремление разорвать эту неестественную связь и поставить мирское не только особо, но и вне связи, в противоречие с небесным и даже выше его. Этим путем развилось в западноевропейских обществах и, прежде всего под влиянием папства, так называемое светское образование, светское знание... Этим же путем там выработалось... учение о верховенстве государства над верою и совестью верующих. В этих обеих крайностях, воссоздающих как бы языческий строй жизни, уже достаточно элементов для социализма. Но господствующее в настоящее время направление латинства дает ему еще новые опоры и возбуждение. Когда Церковь дает у себя место и даже предоставляет главнейшее значение и самое широкое поле деятельности такому ордену, как иезуитский, т.е. ордену, провозглашающему, что цель оправдывает всякие средства, и действующему не только открыто, но и тайно, то нет ничего удивительного, что и в обществах, им воспитанных, являются явные и тайные корпорации, которые руководствуются такими же принципами для пересоздания по своему плану существующего склада жизни» [14, с. 732–733].

М.О. Коялович пребывал в полном убеждении, что идеи социализма совершенно несовместимы с мироощущением восточного славянства, подвергают опасности единство государства и несут в себе угрозу существованию русской цивилизации: «Мы теперь не имеем этого великого, нерусского зла, – крепостного состояния, разделявшего роковою бездною граждан одной земли. Мы теперь – едино почти во всем нашем гражданском быту, – в школе, при исполнении воинской повинности, в суде, в земстве. И однако, – чудовищная странность, – в то самое время, когда это единение наших русских сил начинает крепнуть, в нашей русской среде являются самозванные благодетели России и воскрешают ужасную теорию иноземных руководителей самозванцев – разъединять русских людей и возбуждать низшие слои народа против высших. Неужели этот адский план может самостоятельно созреть в русской голове? Нет! В русской голове самостоятельно созреть он не может» [20, с. 73].

Но для белорусского народа, чья родина издавна являлась межцивилизационным пограничьем, воззрения тех, кто был устремлен «...будто бы к благу меньших людей» [21, с. 26], – это настоящая духовная отравка: «Проносились над западнорусским народом целые сотни теорий, когда он жил, казались, в безысходном своем рабстве, проносились и, конечно, часто рвали по клочкам его благополучие, его тело, но проносились большею частию мимо его души. Он был беден, он бывал нищ, но без сознания нищеты или хотя с сознанием, но таким, которое, бурно иногда прорвавшись, засыпало снова. Теперь не то. Народ сознает твердо свои потребности, сознает свою нищету и уже не может с нею мириться. Он непременно пойдет искать помощи, и если не дадите ее вы, русские люди, он возьмет ее у польских агитаторов вместе с ядом их иезуитской и революционной теории, но, что еще хуже, – он без сомнения будет принимать этот двойной яд сначала несознательно, еще вернее, что скоро он сознает его действие, и тогда сознание этой новоприобретенной нищеты готово будет прорваться, как в старину» [22, с. 506].

Для того чтобы избежать социальной и культурной катастрофы русского мира, М.О. Коялович призывал сторонников социалистической доктрины отринуть свои убеждения и обратиться к традиционным духовным ценностям: «Если бы они могли рассуждать здраво и честно, то на всех своих явных и подземных сборищах постановили бы, как неизменное для себя правило – не трогать России, а русские из них принесли бы торжественное покаяние в своих великих грехах против родины и стали бы самоотверженно и рядом с лучшими русскими служить староотеческим нашим началам жизни» [21, с. 26–27].

Одним из древних духовных столпов общерусской культуры М.О. Коялович называл православную веру: «Славянофилы хорошо знают, что национальность, как бы хороша ни была, есть все-таки внешняя оболочка человека и его жизни. Оттого они и налагают так сильно на выражающуюся в русской жизни внутреннюю правду, служение нравственному началу, чтобы показать, что русская национальность этим началом облагорожена, возвышена и упрочена на поприще всемирной человеческой жизни.

Но природное нравственное начало в человеке должно быть просвещено и возвышено Христианством. Поэтому славянофилы, слив неразрывно нравственное начало с исторической русской жизнью, естественно также крепко слили с ней Христианство восточного вероисповедания» [23, с. 342].

Второй опорой русской цивилизации М.О. Коялович считал монархическую идею государства [23, с. 344]. Наконец, главным творцом неповторимого облика русского мира у него выступал сам большой русский народ, создавший уникальную первооснову социальной организации – земельную общину, объединявшую людей на принципах христианской этики: «Славянофилы усматривали первейшую ячейку русской жизни в семье и общине, и в основу той и другой полагали нравственное начало, устранявшее вопрос о юридических правах личности, ставившее русскую семью и общину в особое и самостоятельное положение по отношению к государственности» [23, с. 473].

Уваровская формула «Православие, Самодержавие, Народность» была ответом консервативной мысли России на девиз Французской революции – «Свобода, Равенство, Братство» [24, с. 404]. Постигая культурные достижения Европы, восточнославянская интеллигенция создавала оригинальные творения, где интеллектуальные конструкции Запада были лишь материалом для воздвижения отечественного духовного здания. Приверженец идеалов славянофильства, М.О. Коялович писал: «Идеалы эти обыкновенно связывают с западноевропейскими философскими теориями Гегеля и Шеллинга. Мы их будем связывать с прежде добытыми результатами в научной разработке русской истории, что и вернее, и полезнее» [23, с. 335–336].

В свою очередь, идейные противники российских традиционалистов создали лаконичное выражение своих воззрений, но не с ориентацией на европейскую демократическую мысль, а как изречение, направленное против духа уваровской формулы: «Православие» уступает место «Духовности», «Самодержавие» – «Революционности», а «Народность» заменяется «Космополитизмом» [24, с. 405–406]. Впоследствии, повинувшись российским реальностям, на смену последнему приходит идея «Народа» [24, с. 406].

Справедливость этих рассуждений как нельзя лучше подтверждается взглядами создателей «Гомона» и авторов журнала.

Если мы зададим себе вопрос, имеем ли мы основания назвать белорусских революционеров правоверными последователями западноевропейской социалистической доктрины, то будем вынуждены дать отрицательный ответ.

Размышляя о национальном вопросе, автор статьи в «Гомоне» писал, что провозглашенные Французской революцией общечеловеческие идеалы были порождением индивидуальности французского народа: «Вопрос этот в нашем смысле был выдвинут той самой Вел[икой] фр[анцузской] революцией, которая претендовала на самую широкую космополитичность и которая желала облагодетельствовать все человечество невиданной свободой, выросшей на французской почве. Французская нация вместе с своим национальным конвентом первая дала толчок для возникновения этого вопроса...» [2, с. 104]. Развивая свою мысль, сочинитель извлекал из основания социалистического учения один из краеугольных камней марксизма – принцип пролетарского интернационализма: «Критикуя современный экономический и политический строй, не оправдавший возлагаемых надежд народов всех наций, социализм логическим путем пришел и к отрицанию национального вопроса, выросшего на почве буржуазной свободы: зачем политическая свобода, когда ею пользуются те, кто угнетает нацию? Зачем национальный патриотизм, когда им пользуются для лучшей эксплуатации народных масс в пользу личных интересов правительственного или буржуазного меньшинства? Зачем во имя патриотизма эта нация будет уничтожать другую, когда в результате борьбы пострадает та и другая в лице простого народа и увеличится могущество и сила хищников, разогревающих народный антагонизм? Вот вопросы, которые ставил себе социализм, – и отвечал на них полным отрицанием. Отсюда практическое возникновение интернационала, который, отвергая всякий национальный антагонизм, считал самый национальный вопрос противообщественным и вредным предрассудком. Это беспощадное отрицание национального вопроса имело, конечно, громадное значение для его уяснения, но доведенное сначала до *plus ultra*¹, естественно, должно было потом указать принадлежащее этому вопросу место. Сам интернационал продолжал жить до тех пор, пока находился на почве теоретических соображений об общечеловеческом благе и его лучшем осуществлении. Когда далее от теоретизирования социализм перешел к делу, к активной борьбе с буржуазным строем, интернационал потерял свою силу и распался» [2, с. 107–108].

Идея служения собственному народу, стремление приспособить западные воззрения к реальной действительности своей страны, желание наполнить постулаты социалистического учения новым, отечественным содержанием, привели литератора в ряды сторонников теории национальных моделей социализма: «Особенности характера каждого народа, его экономического и политического состояния, клима-

¹ Высшая степень (лат.).

тические и этнографические особенности страны – все это заставило активных борцов социализма значительно видоизменить интернациональную программу согласно с обстановкой борьбы и особенными потребностями народа. Так[им] обр[азом] появились своеобразные программы деятельности практического социализма в России, напр[имер], и в Англии, Франции и Германии, Австрии и Италии. И только вследствие такого разнообразия борьбы во всех формах и напряженности и является возможность к реализации идеалов социализма и воплощение их в жизнь. В этом и лежит залог торжества социализма, так как все абстрактные формы общечеловеческих отношений получают смысл при их применении на почве фактических потребностей людей, зависящих от условий самой жизни» [2, с. 108].

Под пером автора статьи национальная редакция девиза революционной Франции как ответ белорусских народников на триединую формулу С.С. Уварова была выражена следующими словами: «Итак, мы, *белорусы*, так как мы должны бороться во имя местных интересов белор[усского] народа и федеративной автономии страны; мы, *революционеры*, потому что, разделяя программу борьбы “Народной воли”, считаем необходимым принять участие в этой борьбе, мы, *социалисты*, потому что нашей главной целью является экономическое улучшение страны на началах научного социализма. Вот основные положения программы, которые ясно могли бы определить отдаленные цели и ближайшую практическую деятельность белорусов» [2, с. 120].

Говоря словами М.О. Кояловича, и он сам, и его идейные оппоненты видели перед собою «...не отвлеченный, теоретический, проектированный... народ, а народ действительный, живой... единственный в своих правах на жизнь и развитие...» [22, с. 505]. Поэтому белорусские социалисты захвачены не марксистской идеей пролетарского мессианизма, а, подобно М.О. Кояловичу, очарованы патриархальным укладом жизни белорусского народа: «Вообще общинные наклонности еще слишком живы в народе, и его экономические идеалы, и тяготение к миру чрезвычайно проникнуты духом коллективизма» [2, с. 111]. Как и для М.О. Кояловича, так и для белорусских революционеров община была символом народного единства, являлась основой грядущего благоденствия белорусского народа, и поэтому они выступали за ее сохранение: «...из народа вовсе почти не выделяется кулаков-мироедов, к[ото]рых так много в Великороссии и которые вносят антагонизм в мирские интересы и своими деяниями разрушают и разрушают общину, тем более что ими становятся большею частью люди наиболее умные и оборотистые – “деляги”» [2, с. 114–115].

Но в выборе пути к будущему процветанию своей родины взгляды М.О. Кояловича и белорусских социалистов оказывались столь же несовместимы, сколь отличались нарисованные ими образы национальной идеи.

Программа М.О. Кояловича основывалась на представлении об эволюционном развитии белорусского общества, о благотворности постепенных преобразований, сочетающих в себе государственные меры и общественные инициативы по формированию нового облика белорусской нации, как-то: поощрение народного участия в церковных делах [25, с. 349–350]; обустройство православных храмов [22, с. 503]; развитие народного образования и осуществление общественного контроля за процедурой выбора чиновников из Великой России, направляемых на работу в администрацию Западного края [18, с. 579–582]; создание из числа крестьян торгового и промышленного слоя [26, с. 622]; постройка железной дороги [27, с. 632–633]; поддержка местных исторических и культурных традиций [10, с. 649–650]; увеличение численности белорусов в региональных органах власти [16, с. 3].

Апофеозом исторического развития белорусского народа у М.О. Кояловича выступало создание в составе единого союза великороссов, малороссов и белорусов самобытной русской цивилизации, наделенной исторической миссией всемирного спасения: «Современное состояние человечества можно понимать так, что теперь идет борьба между силой техники старого западноевропейского ума и между присущей человеку потребностью выражения нравственных стремлений, потребностью доблести. Мы лично верим, что славянской доблести суждено преодолеть бездушную технику западноевропейского ума и в своей славянской цивилизации восстановить нарушенную на Западе гармонию в развитии сил человеческого духа, – верим потому, что в славянской натуре, как она сложилась исторически, иное сочетание или соотношение сил души, чем у западноевропейских народов. Римский деспотизм воли у романских народов, германский деспотизм ума ждут исторического исправления в славянской сердечности, требующей иного направления ума и воли, т.е. более гармонического развития всех этих сил души» [14, с. 742].

Иные цели ставили перед белорусской интеллигенцией создатели «Гомона». Публикуя на страницах первого номера журнала прокламацию, они выражали свою солидарность с мнением ее автора, выраженным следующими словами: «Велика и священна задача белорусской интеллигенции – расшевелить могучие силы своего народа, направлять остановившееся прогрессивное развитие его, дать ему возможность проявить свой национальный гений, глубоко схороненный от хищнических поползновений поляков и великорусского двуглавого орла. Без тесного единения со своим народом, без глубокого изучения его материальных и духовных потребностей, без понимания и уважения его нужд, вытекающих из особенностей всей его прошлой исторической и экономической жизни, – все идеалы интеллигенции

останутся навсегда пустыми звуками, как бы они, по-видимому, демократичны ни были. Только вполне согласная с требованиями жизни белорусского народа деятельность интеллигенции будет плодотворна, только приносившие к условиям жизни и культуры белорусского народа идеалы интеллигенции осуществятся на белорусской почве, способствуя материальному и духовному преуспеянию белорусского народа» [1, с. 70].

Автор прокламации не только не питал никакой надежды на государственные меры помощи белорусскому народу, но прямо объявлял российское самодержавие его врагом, достойным скорейшей гибели, а возможность объединения с русским народом и другими народами России видел лишь на почве классового солидарности, выдвигая на первое место национальные интересы собственного народа: «Настоящий исторический момент вполне благоприятен к успеху дела белорусской народности: в своей борьбе против великорусской государственной централизации она имеет многочисленных союзников в лице всех других подавляемых национальностей и в лице господствующей в государстве великорусской нации, по отношению к которой представитель государственного централизма – монархизм является угнетателем личности и труда. Русский монархизм, представляя в своем лице триумф деспотизма, капитализма и государственного централизма, подвергается ударам со всех сторон, и его трон с минуту на минуту готов рухнуть.

Всякое ограничение монархического произвола составит для белорусского народа первый шаг к освобождению: оно даст ему возможность несколько свободнее развивать свою культуру, принять какое-нибудь участие в обсуждении своих нужд и участие свободно распоряжаться в своей внутренней жизни. И в этом отношении задача белорусской интеллигенции тождественна с задачей всех других борющихся с русским абсолютизмом групп. Белорусская интеллигенция должна только постоянно и неуклонно направлять свою деятельность к тому, чтобы скрытые в белорусском народе стремления к освобождению нашли себе правильный исход, чтобы ограничение монархизма было направлено к расширению самостоятельности белорусского народа и доставлена ему возможность свободного развития его духовных и материальных сил.

Итак, белорусская интеллигенция, опираясь на народ, должна принять на себя священную обязанность борьбы с абсолютизмом, без которой немыслимы самые первые шаги к освобождению» [1, с. 70–71].

Словно в развитие мысли, высказанной сочинителем прокламации, автор статьи во втором номере журнала писал о большом революционном потенциале национальной интеллигенции: «Насколько белорусская интеллигенция, при всей своей инертности, заключает в себе девственной силы, может служить доказательством огромный процент участников в общественной борьбе за лучшие идеалы интеллигенции в России (Судзиловский, Ковалик и много других в “проц[ессе] 193”, Исаев, Гриневицкий и масса менее известных в борьбе партии “Народной воли”)» [2, с. 116].

Чуждый идее русского мессианизма, литератор призывал белорусскую интеллигенцию после низвержения абсолютизма направить свои усилия на благо собственной страны: «Так[им] обр[азом], в отношении родины, изучая ее потребности, зорко следя за биением ее пульса и ее общественным пробуждением, мы должны будем явиться пропагандистами социального улучшения и федеративного возрождения страны, в отношении же борьбы политической борющимися белорусам должно идти рука об руку с народолюбцами, поскольку эта партия в каждый данный момент является наиболее активной. Отсюда само собою следует, что мы должны быть далеки от мысли стягивания всех своих сил в деревню, в Белоруссию, как и от сосредоточения их в центрах. Требования времени слишком обширны, чтобы предъявлять что-н[ибудь] в этом роде революционной белор[усской] интеллигенции. Выбор места деятельности будет, вероятно, зависеть от личных склонностей и житейских условий каждого. Как деревенщики, так и живущие в центрах, т[аким] обр[азом], составили бы *органическую связь* для борьбы до тех пор, пока обновленная переворотом Россия не откроет возможности сосредоточить свои силы на родине без ущерба себе и другим» [2, с. 121–122]².

После октябрьских событий 1917 г. под развалинами Российской империи надолго погребенными оказались и взгляды консерваторов, отвергавших идею общественного переворота: «...тогда-то будет опора демократизму и социализму! Тогда может быть ужасная смута, гибельная всем, но прежде всего самому народу» [6, с. 39], и теории социалистов-революционеров, клавших жизни на алтарь социального восстания: «Между тем перед нами прошло много событий общественной жизни, оставивших более или менее глубокие следы, столь же поучительные, сколько и неожиданные. При внимательном отношении к этим событиям нельзя, однако, не заметить одного общего направления, в котором они чередуются, и той конечной точки, к которой они неудержимо стремятся. Эта точка – Революция» [2, с. 81].

² Ср. с мыслью И. Абдираловича: «З нашага высокага парыву індывідуальнага і народнага адраджэння ня створым жа гвалту і энку ні для іншых, ні для саміх сябе: не павінна быць беларускага мэсыянізму. І ў вялікім і малым, і для сваіх і чужых ён – прымус, зьдзек і сьмерць. Ўласным коштам – мільёнамі сьмерцяў, хваробы, нуды служылі мы чужацкім мэсыянізмам. Не на гэтай падставе збудуем нашу будучыню» [28, с. 17–18].

Начиналась новая, советская эпоха в истории белорусской интеллигенции.

Заключение. Размышления о будущем белорусского народа и тема исторической миссии национальной интеллигенции были важнейшими в трудах белорусских мыслителей как консервативного направления, так и народнического движения.

Взгляды уроженца Гродненской губернии М.О. Кояловича были наиболее близки идее вселенского служения России, развиваемой славянофильством. Но и его концепция Западной России не смогла обрести целостный, завершённый облик, все более проникаясь рассуждениями ученого о самобытности белорусов, об особом, выделяющем их в семье триединого русского народа, историческом предназначении, о неповторимом культурном своеобразии белорусских земель.

Наряду с консервативной мыслью, представленной именами М.О. Кояловича и его последователей, в Западном крае получили развитие идеи белорусского национализма, нередко облекаясь в оболочку народнической, а позднее, и марксистской идеологии. Однако учение западноевропейского социализма в произведениях гомоновцев и их единомышленников приобретало национальный облик, воплощавший уникальность жизненного уклада белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гомон». Белорусское социально-революционное обозрение № 1 // Публицистика белорусских народников / сост. и подгот. текстов : С.Х. Александрович, И.С. Александрович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – С. 59–81.
2. «Гомон». Белорусское социально-революционное обозрение № 2 // Публицистика белорусских народников / сост. и подгот. текстов : С.Х. Александрович, И.С. Александрович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – С. 81–122.
3. Коялович, М.О. Чтения по истории западной России / М.О. Коялович. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2006. – 474, [2] с.
4. Коялович, М.О. Разъяснение недоразумений газеты «Голос» / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 669–678.
5. Коялович, М.О. О расселении племен Западного края России / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 538–554.
6. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 5–221.
7. Коялович, М.О. Приглашение записываться в церковные братства Западной России / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 370–374.
8. Коялович, М.О. Исторические воспоминания по поводу пинских братств / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 375–378.
9. Коялович, М.О. По поводу указа сенату 31 марта о даровании амнистии поднявшим оружие против правительства в западных губерниях / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 509–524.
10. Коялович, М.О. Как устроить нормальное положение в Западной России? / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 647–659.
11. Коялович, М.О. Письма к отцу Иосифу Васильеву (протоиерею Посольской церкви в Париже) об униатском вопросе / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 394–417.
12. Коялович, М.О. Где наши силы? / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 595–607.
13. Коялович, М.О. Несколько слов о графе Димитрие Николаевиче Блудове: Западной России на память / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 429–433.
14. Коялович, М.О. Наши русские исторические знамена – веры и народности / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 709–743.
15. Коялович, М.О. Желают быть русскими и православными / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 613–619.
16. Коялович, М.О. Поездка в середину Белоруссии / М.О. Коялович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1887. – 17 с.
17. Коялович, М.О. Встреча народности в Западной России с русскою государственностью и великорусскою народностью. По поводу народных караулов в Западной России / М.О. Коялович // Коялович, М.О. Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 558–571.
18. Коялович, М.О. Об отношении русского общества к Западной России / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 572–582.
19. Коялович, М.О. Люблинская уния Литвы с Польшею в 1569 г. / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Беларус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 222–264.
20. Коялович, М.О. Три подъема русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут / М.О. Коялович. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1880. – 74 с.
21. Коялович, М.О. Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности / М.О. Коялович. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. – 28 с.

22. Коялович, М.О. Что нужно Западной России? / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 503–508.
23. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 682, [1] с.
24. Успенский, Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Б.А. Успенский // Этюды о русской истории. – СПб. : Азбука, 2002. – С. 393–413.
25. Коялович, М.О. Чтения о церковных западнорусских братствах / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 267–352.
26. Коялович, М.О. Нужны промыслы, нужны ремесла в западнорусском народе / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 620–624.
27. Коялович, М.О. Еще о направлении наших железных дорог / М.О. Коялович // Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск : Изд-во Белорус. Экзархата Моск. Патриархата, 2011. – С. 625–635.
28. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42, [2] с.

Поступила 28.05.2019

HOMONOVTSY AND M.O. KOYALOVICH. PRO AND CONTRA

V. IGNATOV

The views of representatives of conservative and socialist currents of the intellectual Belarusian thought of the XIX century are investigated – M. O. Koyalovich's and the authors' of the journal "Gomon". The main similarities and differences of views of these thinkers on the problem of the development of national identity are revealed. The most important provisions of the programs of revival of the Belarusian people, put forward by the author of the concept of Western Russia and the creators of the revolutionary group, are analysed. The peculiarities of understanding by M. O. Koyalovich and Belarusian populists of the role of the national intelligentsia, the prospects for an independent political existence of the native land, ways of preserving the originality of the Belarusian culture are considered. The interrelation of the spiritual foundations of the worldview of M.O. Koyalovich with the main tenets of the Russian conservative thought of that time was established. The ways of changing the Marxist doctrine in the works of Belarusian socialist revolutionaries are analyzed, their attempts to lay the foundations of the national identity of the socialist idea are noted.

Keywords: conservatism, M. O. Koyalovich, the doctrine of socialism, homonovtsy, populism, national intelligentsia, Belarusian identity.